

Pražák, Richard

Йозеф Добровский - Угрист и финно-угрист

In: Pražák, Richard. *Josef Dobrovský als Hungarist und Finno-Ugrist*. Vyd. 1. Brno: Universita J.E. Purkyně, 1967, pp. 166-170

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119886>

Access Date: 14. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ЙОЗЕФ ДОБРОВСКИЙ — УГРИСТ И ФИННО-УГРИСТ

В монографии „Йозеф Добровский-угрист и финно-угрист“ обсуждаются не только языковые вопросы угроведческих и финно-угроведческих исследований основоположника научной славистики и богемистики Йозефа Добровского, но и его отношение к финно-угорским народам, и, главным образом, к их языку, истории и культуре. Автор монографии исходит из своего более широкого культурно-политического и культурно-исторического понимания угроведения и финно-угроведения и включает в них — в отличие от их узко лингвистической концепции — те научные области, которые исследуют язык, культуру и историю финно-угорских народов в более узких средневропейских (угроведение) или в более широких евразийских рамках (финно-угроведение).

Интерес Йозефа Добровского к угроведческой и финно-угроведческой проблематике проявился в двух направлениях: в его научных связях с венграми и в его собственном лингвистическом интересе к финно-угроведению. Добровского интересовала Венгрия как область, узко связанная с чешскими землями, где он мог черпать ценные материалы для своих славянских и богемистских работ. В этом отношении большое влияние на Добровского оказали словак Юрай Рибай, проживавший в Венгрии недалеко от Пешта, и ряд его чешских друзей, с которыми он вел переписку. Это были, в первую очередь, Вацлав Фортунат Дурых, Ян Петр Черрони, Ян Богумир Длабач и др. Кроме Рибая и его чешских друзей можно еще упомянуть чеха Злобицкого, словенца Копитара из Вены, поляка Бандтке и др. В очень узких связях находились с Добровским также венгерские ученые Миклош Янкович, Йоганн Христиан Энгель и известный меценат венгерской науки граф Ференц Сеченьи. В обширной переписке с ними Добровский решал исторические и языковые вопросы, из которых самыми важными можно считать вопросы о величине Великоморавской державы (в спорах Скленар—Салагиус Добровский защищал мнение второго ученого), об историческом обосновании венгерских языковых заимствований (преимущественно из славянских языков), о венгерско-славянских лексических взаимосвязях в области топонимии и т. д. При решении этимологических вопросов Добровский придерживался грамматической системы языка как результата исторического языкового развития и надежного корректора всякой филологической спекуляции, причем напр. согласование в значении и звучании слов он считал — совершенно в духе современного языкознания — значительным только тогда, когда речь шла о местоимениях, числительных и глаголах основного словарного фонда или названиях частей человеческого тела и т. п.

Связь Добровского с венгерской наукой касалась, главным образом, старшей группы исследователей (кроме Янковича, Энгеля и Сеченьи), которые были полностью проникнуты индифферентным к отдельным национальностям венгерским патриотизмом, как например Швадтнер, Ковачич, Корнилес, Катона и др. Добровский соглашался с их взглядами, отрицая одновременно с точки зрения своих просветительских позиций напр. национализм Энгеля. Добровский не только постоянно уделял внимание венгерской науке и часто обращался к венгерским ученым с различными вопросами, но и передавал им ценные советы для их работы. Так напр. Добровский принял участие в дискуссии о происхождении слова *tót* и венгерских гидрографических названий, он подчеркивал турецко-венгерские языковые взаимосвязи в несохранившейся статье на эту тему, написанной для „Семиторского общества любителей венгерского языка“ в городе Клуж, известна также его филологическая критика исторических работ Энгеля (Энгель напр. заимствовал у Добровского его особое отношение к историческому значению турецких и славянских слов в венгерском языке) и др.

Лингвистический интерес Добровского к финно-угорским языкам проявился двояким образом. С одной стороны Добровский хотел написать общелингвистическое произведение „Systema Linguarum“ (1793) и должен был, таким образом, интересоваться также финно-угорскими языками как своеобразной языковой группой и их местом среди других языков, с другой стороны в результате своих славяноведческих работ он стремился познать взаимоотношения между славянскими и финно-угорскими языками.

В своем путешествии „Reise nach Schweden und Russland“ (книга была издана в Праге в 1796 г.) Добровский пришел к заключению, что финно-угорские языки образуют самостоятельную языковую группу, характерную отсутствием рода, постпозициями и заменением личных притяжательных местоимений суффиксами принадлежности. Добровский — в отличие от мнения Шайновича — правильно утверждал, что венгерский язык в большей степени отличается от саамского языка и что более близкими являются его связи с вотским, пермским и, главным образом, вотульским языками. Эти взгляды Добровского, находясь в его работе „Allgemeine nordische Geschichte“ (1771), сближают его с мнением Шлэцера, однако Добровский превзошел его, подчеркнув грамматические особенности финно-угорских языков и их совершенную филологическую классификацию, на что Шлэцер не обращал никакого внимания. Добровский проявил свое тонкое чувство сравнительной концепции этого вопроса и более глубоко языкового анализа, опирающегося не только на лексические отношения, а также на грамматическую структуру языка.

Помимо произведения „Reise nach Schweden und Russland“ Добровский писал о финно-угроведческих проблемах также в своих письмах Дурыху, Рибай и др. Самым ценным из этой переписки является письмо, посланное его другу Рибай 8 февраля 1793 г. сразу же после возвращения из путешествия по Швеции, Финляндии и России (1792). В этом письме он пишет о родстве венгерского и финского языков и делает попытку раскрыть общие явления в обоих языках (отсутствие рода) и сравнить конкретные языковые явления (согласование инфинитивных окончаний в венгерском, пермском и вотском языках). Утверждение Добровского, что одна фраза является с сравнительной точки зрения более ценной, чем сто слов, вводит его только от лексического сравнения и проводит его к заключению, что для познания языкового родства необходимо знать также и синтаксис языка, его синтаксическую структуру и специфические грамматические законы. Отрывки этого письма Добровского были опубликованы в 1794 г. в журнале „Bécsi Magyar Hírmondó“. Это письмо стало для венгерского поэта и языковеда Ференца Версеги импульсом для его связей с выдающимся финляндским культурным деятелем эпохи просвещения Генриком Портаном. Его письмо Портану от 13 мая 1794 г. имеет большое значение для развития венгерско-финляндского культурного сотрудничества и укрепления сознания языковой общности.

Самой выдающейся работой Йозефа Добровского в области финно-угроведения была его рецензия на книгу Дьярмати „Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis grammaticae demonstrata“ (Гёттинген, 1798), опубликованная в венской газете „Allgemeine Literatur-Zeitung“ (1799). Добровский дал в ней серьезный анализ проблематике финно-угорской языковой общности и конкретизировал принципы, высказанные им в произведении „Reise nach Schweden und Russland“. Ему исключительно хорошо удалось раскрыть отношения финно-угорских языков к другим языкам, в первую очередь славянским, а также германским, тюрко-татарским и др. Добровский установил не только лексические связи, но и очень много основных фонетических законов финно-угорских языков (напр. то, что суффикс 1 лица множ. числа на -m является более древним, чем на -n, дальнее альтерацию h и более древнего k в финляндском, венгерском, саамском языках и др.). Вполне современным в его статье можно считать то, что он подчеркнул значение самоедских языков для познания первоначальной фонетической системы финно-угорских языков. Вышеупомянутая рецензия свидетельствует не только о том, что Добровский был большим знатоком финно-угроведения, но и о его большой способности к сравнению, что ему помогло разобраться в очень тонких вопросах сравнения совершенно различных по своей структуре языков.

Добровский был также инициатором решения венгерско-славянских языковых связей; его мнение по этим вопросам оказало большое влияние на венгерского языковеда Иштвана Шандора и Шамуэля Дьярмати и на венгерского историка Энгеля. Шандор, Дьярмати и Бергсаси были самыми выдающимися учеными на рубеже 18 и 19 вв. Они опирались в своих работах на чешские учебники грамматики 18 в., сравнительный словарь Палласа и взгляды Добровского и подробно изучали вопрос о славянских словах в венгерском языке. Над теми же самыми вопросами работали — по замыслам Добровского — также словари Юрай Рибай и Штепан Лешка, автор известного произведения „Elenchus vocabulorum Europaeorum imprimis slavicoorum magyarico usus“, (Будапешт, 1825).

Поездка Добровского в Финляндию и Россию в 1792 г. привела его к сравнению финского языка со славянскими языками и, главным образом, с русским языком. Добровский

правильно определил в своем неопубликованном списке (написанном в рукописи, по всей вероятности, в 1795 г.) уже 31 финское слово славянского происхождения, т. е. самое большое количество слов, определенное до того времени другими исследователями (раньше лишь Тунман нашел 6 таких слов и Фогель, доказавший славянское происхождение финского слова *lussikka*). Может быть, что Добровский информировал о своих исследованиях финляндского профессора Портана, который в 1801 г. в одной из своих работ находит 21 финское слово славянского происхождения, приводимое, в большей части, в вышеупомянутой рукописи Добровского. Исследуя финно-славянские языковые связи, Добровский не сводил их лишь к лексическим явлениям, но также обращал внимание и на фонетические явления. Так напр. он высказал свое мнение о финском происхождении русского подногласия.

Если дать оценку значению Добровского в развитии финно-угроведения, то надо сказать, что он в этой области занимает почетное место. Как в славяноведении, так и в финно-угроведении Добровский был учеником Шлёцера, но он превзошел его тем, что обратил особое внимание на грамматическую структуру финно-угорских языков. В этом отношении он исходил из концепции Шайновича (отрицая при этом его ошибочное отождествление венгерского языка с саамским языком) и пробивал путь Дьярмати. Лучшей работой в этой области является его рецензия произведения Дьярмати „Affinitas...“, где он дал подробный анализ финно-угорской проблематике и одновременно конкретизировал основные критерии, высказанные им в „Reise nach Schweden und Russland“.

Очень ценным в мировом значении — с точки зрения сравнения славянских и финского языков — является и анализ вопросов о взаимоотношениях славянских и финно-угорских языков. Между тем как в финно-угроведении Добровский имеет прежде всего значение для средней Европы (решение некоторых вопросов финно-угроведения Шандором и Дьярмати по инициативе Добровского), в вопросах изучения славянских слов в финском языке он имеет мировое значение. В этом отношении он оказал, по всей вероятности, большое влияние на Портана, и лишь то, что взгляды Добровского не были опубликованы, привело к тому, что эта заслуживающая признания работа Добровского осталась до сих пор неизвестной.

Велики заслуги Йозефа Добровского и в чешском финно-угроведении. Первым, правда, интересовался финно-угорскими языками Ян Амос Коменский, но настоящим основоположником финно-угроведения как научной отрасли стал только Йозеф Добровский. Ему удалось определить специфические черты финно-угорских языков и их место среди других языков, обосновать необходимость их изучения славянскими языковедами и их значение для славянских языков. Добровский обратил особое внимание на значение венгерской проблематики для чешской языковой среды и указал на то, что эту тематику надо изучать в более широком контексте финно-угорских вопросов, как и чешскую тематику надо изучать в более широком контексте славянских языков.

Чешские читатели имели уже тогда возможность познакомиться — ненаучным путем — с проблематикой финно-угроведения в чешском переводе „Московской хроники“ Гваггина, вновь изданной после первого издания Велеславина (в 16 в.) в 1786 г., в описании жизни саами в журнале „Hlasatel český“ в 1807 г. и в других работах, что свидетельствует о том, что финно-угорская проблематика в нашей публицистике уже тогда заняла свое место и что финно-угорские исследования Добровского встретились с более широким интересом к этим вопросам чешской общественности.

После обсуждения вклада Йозефа Добровского в угроведение и финно-угроведение автор вышеприведенной монографии уделяет внимание мировоззренческому профилю Йозефа Добровского и сравнивает его с ведущим деятелем венгерского языкового „обновления“ Ференцем Казинци. Автор задумывается над основными чертами развития и взаимосвязей чешского и венгерского национального движения на рубеже 18 и 19 вв., выдающимися представителями которого в области культуры были тогда Йозеф Добровский и Ференц Казинци. Для них были характерны сильная антиабсолютистская направленность, просветительская национальная уживчивость и отвращение к национализму, склонность к Канту и его пониманию просвещения, моральный энтузиазм и сознание значения этической стороны стремления к научной истине. Во время реакционного правительства Франца II они остались верными своим просветительским и иосифинистским взглядам, которые они проповедывали с самого начала своей научной деятельности, и путем журналистской работы они боролись уже с 80 годов 18 в. за свободу мышления против фанатизма и насильственного подавления политических и культурных прав малых народов габсбургской монархии.

В отличие от Добровского Казинци не был в контакте с представителями чешского национального движения. Наоборот, его воспоминания о чешских землях не были приятными, потому что здесь его четыре года держали в заключении из-за участия в якобинском вос-

станции. Однако его принудительное пребывание в чешских землях не осталось для него бесследным, так как тогда возникло в нем представление о языковом „обновлении“, т. е. культурном подъеме народа во время политического гнета и рабства. В тюремном дневнике „Fogzágom parlója“ (изданном только в 1931 г.) он с чувством благодарности вспоминал о помощи чехов, о жизни которых он узнавал из писем своих друзей Габора Дёрбрентеи, Йозефа Чехи, своего брата Ласло Казинци и др.

Исследование политического облика Йозефа Добровского и его сравнение с Ференцем Казинци приводит автора к решению проблематики взаимоотношения эпохи просвещения и иосифинизма. Последний является, правда, также специфическим проявлением эпохи просвещения в Австрии, но в своей бюрократической форме на службе абсолютистскому государству он приходит в противоречие с большинством основных просветительских идеалов. Применение суверенной власти государства в духе официального иосифинизма истолкования этической философии Шефтсбери, дававшего иосифинизму возможность вмешиваться во все области жизни и считать повинение государству самым большим гражданским достоинством, восставило против иосифинизма всех свободомыслящих иосифинистов прежде всего среди интеллигенции. Они возлагали большие надежды на социал-реформистскую и культурную политику Иосифа II и считали свободу убеждения необходимым условием внедрения основных просветительских принципов, особенно всестороннего развития человеческой личности с ее неотъемлемым правом свободно пользоваться своим умом для общего блага, что иосифинистам при императорском дворе ни коим образом не удавалось привести в согласие с бюрократической и авторитетной концепцией государственного интереса, которому все должно было подчиняться.

Эти противоречия помогут нам понять тот трудно объяснимый факт, почему, с одной стороны, большинство иосифинистской бюрократии стало позже опорой реакционного режима Франца II и почему другая часть иосифинистов перешла на очень радикальные, революционные позиции и даже слилась — как напр. в Венгрии — с якобинством.

Интересно проследить развитие иосифинистов, которые, защищая сначала свои просветительские идеалы, позднее стали проявлять симпатии к радикальному якобинству и, наконец, дошли до венгерского языкового „обновления“, отождествляющегося в его главных целях с программой приверженцев Юнгмана. Это свидетельствует о том, что так наз. аполитичность и общественная кротость последователей Юнгмана вытекала не из недостаточности развитой политической чешского национального движения, а скорее из того факта, что политические обстоятельства в австрийской монархии после победы Великой французской революции полностью находились во власти реакционных усилий к насильственному прекращению революционной волны; это все привело к подавлению и преследованию не только революционных, но и самых разнообразных демократических и либерально-просветительских мыслей. Это развитие обусловило ориентировку Юнгмана и Казинци на языковое „обновление“, заботу о развитии национальной культуры и языка как необходимого условия для будущей успешной политической борьбы, что во время ограничения свободы в результате наполеоновских войн стало практически невозможным. При таких обстоятельствах напр. и усилие Юнгмана увеличить количество славянских слов в чешском языке или его перевод „Атала“ Шатобриана, принесший в наши земли романтическую литературу французского происхождения, носило, вопреки его явно языковой и литературной направленности, общекультурно-политическое значение.

Однако силы чешского и венгерского национального движения не были одинаковыми; венгерская культура и политика получила большую помощь от патристически настроенного дворянства, чем чешское национальное движение, зависящее преимущественно от помощи провинции и социально более слабого городского слоя. В венгерском национальном движении с самого его начала играли ведущую роль дворянство и интеллигенция; в отличие от чешского национального движения программа венгерского движения конца 18 в. не опиралась на народные слои населения, что ей мешало подняться на более радикальный и более прогрессивный уровень; с другой стороны именно связь венгерского движения с дворянством позволяла ему вступать в более тесные контакты с международными культурно-политическим развитием, между тем как в чешской среде такие возможности были очень редки и концентрировались только в кругах пражского дворянства и с ним связанной интеллигенции. Выдающиеся представители венгерской интеллигенции жили под опекой богатых и образованных католических и протестантских магнатов, напр. Сеченьи, Фештетич, Телеки и др., которые посылали их в заграничные университеты и разрешали им работать в их богатых библиотеках, а большинство чешской интеллигенции, состоящей из так наз. народных „будителей“, жило в различных провинциальных областях с минимальными возможностями дальнейшего самообразования и духовного развития.

К венграм легче проникала также западная просветительская идеология не только посредством Германии, как у нас, а также непосредственно из Швейцарии и Голландии. В чешских землях более сильную позицию занял иосифинизм; пражский иосифинистский просветительский центр развивался одновременно с венским и интенсивнее, чем в Венгрии. Просвещение западноевропейского типа, мысли Вольтера, Руссо и Гельвеция распространялись в Венгрии с 60 годов 18 в., главным образом, среди кальвинских магнатов Телеки, Радаи и в кальвинских школах в Дебрецене, Шарошпатаке и др., откуда они попадали к нам посредством венгерских священников и учителей гельветского вероисповедания, многие из которых приходили в чешские земли после издания в Австрии указа о веротерпимости в 1781 г.

Разница между чешскими землями и Венгрией состояла также в том, что просветительские идеи в Венгрии (а именно первоначальные идеи западноевропейского, а не эклектического и эпигонского австрийского просвещения) с самого начала распространялись непосредственно среди самих венгров, а чехи получали их только посредством Вены и чешских немцев; сам пражский просветительский центр был большей частью немецкий, и большинство его приверженцев стояло на стороне насильственной германизации. Неудивительно, что в таком положении чешские представители просвещения — Добнер и Фойгт —, хотя и несознательно, стремились к освобождению от одностороннего немецкого влияния и вступали в научные контакты также с венграми. Это чешско-венгерское научное сотрудничество эпохи просвещения завершил Йозеф Добровский, ориентировка которого на изучение угроведения и финно-угроведения стала в этих условиях очень важным фактором для сближения двух этнически и психологически различных народов, в интересах которых всегда нужно было преодолевать то, что один народ отделяет от другого, и находить общий путь для решения жизненно необходимых проблем — как его нашла наука эпохи просвещения.

Перевел Иржи Бронц